

Научная статья

УДК 338.43

doi: 10.55186/25876740_2026_69_5_647

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ «СЖАТИЕ» СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

С.Н. Иванова, А.С. Михеева, Н.Б. Лубсанова, С.Б. Дымбрылова

Байкальский институт природопользования Сибирского отделения
Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия

Аннотация. В статье определены механизмы и последствия демографического «сжатия» сельских территорий Республики Бурятия и Забайкальского края как ключевых трансграничных регионов Дальнего Востока. Исследование основано на анализе данных Росстата, ЕМИСС и итогов Всероссийских переписей населения. Используются методы сравнительного, структурного и динамического анализа. С 1990 г. население Забайкальского края сократилось на 29,1%, Республики Бурятия — на 7,6% (с последующим ускорением после 2015 г.). Сельский суммарный коэффициент рождаемости в Республике Бурятия снизился на 34,5% (до 1,628), в Забайкальском крае — на 15,0% (до 1,847). Доля сельского населения в Бурятии остаётся высокой (40,9%), сократившись на 0,6 п.п., тогда как в Забайкальском крае она упала на 3,8 п.п. (до 30,2%). За 2010–2025 гг. число сельских поселений в Забайкальском крае сократилось на 45%, в Республике Бурятия — на 3,5%. Ожидаемая продолжительность жизни сельского населения в Забайкальском крае — 64,8 лет, что на 7 лет ниже общероссийского показателя. Сельские территории трансграничных регионов Дальнего Востока находятся в состоянии устойчивого демографического «сжатия», что проявляется не только в сокращении численности населения, усилении миграционного оттока, но и в качественных изменениях: росте диспропорций в возрастной структуре, ослаблении воспроизводственного потенциала и трансформации сети сельских поселений. В большинстве сельских территорий приграничных районов миграционная убыль многократно превышает естественную, что указывает на миграцию как основной драйвер демографического сжатия. Определены региональные модели демографического «сжатия»: в Забайкальском крае — экстенсивная, в Республике Бурятия — интенсивная. Исследования показали, что для преодоления демографического «сжатия» необходимы дифференцированные меры, учитывающие выявленные модели. Основные выводы и рекомендации могут быть использованы органами законодательной и исполнительной власти при разработке программ социально-экономического развития сельских территорий и развития сельского хозяйства.

Ключевые слова: сельские территории, Республика Бурятия, Забайкальский край, демографическое развитие, миграция, депопуляция, трансграничные территории

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-48-02009, <http://rscf.ru/project/25-48-02009>.

DEMOGRAPHIC «COMPRESSION» OF RURAL TERRITORIES IN THE CROSS-BORDER REGIONS OF THE FAR EAST

S.N. Ivanova, A.S. Mikheeva, N.B. Lubsanova, S.B. Dymbrylova

Baikal institute of nature management of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Abstract. The article identifies the mechanisms and consequences of the demographic «compression» of rural areas in the Republic of Buryatia and Zabaykalsky Krai as key cross-border regions of the Russian Far East. The study is based on an analysis of data from Federal State Statistics Service (Rosstat), EMISS, and the results of the All-Russian Population Censuses. The methods of comparative, structural and dynamic analysis were used. Since 1990, the population of the Zabaykalsky Krai has decreased by 29.1%, and in the Republic of Buryatia — by 7.6% (with further acceleration after 2015). The rural total fertility rate in the Republic of Buryatia decreased by 34.5% (to 1.628), and in Zabaykalsky Krai by 15.0% (to 1.847). The share of the rural population in Buryatia remains high (40.9%), having decreased by only 0.6 percentage points, while in the Zabaykalsky Krai it decreased by 3.8 percentage points. (up to 30.2%). Between 2010 and 2025, the number of rural settlements in Zabaykalsky Krai decreased by 45%, and in the Republic of Buryatia by 3.5%. Life expectancy for the rural population in Zabaykalsky Krai is 64.8 years, which is 7 years lower than the national rural average. The rural territories of the cross-border regions of the Far East are in a state of sustained demographic «compression», which is reflected not only in population decline and increased migration outflow but also in qualitative changes: growing imbalances in the age structure, weakening reproductive potential, and transformation of the rural settlement network. In most rural areas of border districts, migration loss is much greater than natural decline, indicating that migration is the main driver of demographic compression. Regional models of demographic «compression» are identified: an extensive model in Zabaykalsky Krai and an intensive model in the Republic of Buryatia. The research shows that overcoming demographic «compression» requires differentiated measures that take into account the identified models. The main conclusions and recommendations can be used by legislative and executive authorities in developing programs for the socio-economic development of rural areas and the development of agriculture.

Keywords: rural areas, Republic of Buryatia, Zabaykalsky Krai, demographic development, migration, depopulation, cross-border areas

Acknowledgments: this study was supported by grant No. 25-48-02009 from the Russian Science Foundation, <http://rscf.ru/project/25-48-02009>.

Введение. Ключевая особенность Дальнего Востока — несоразмерность обширной территории (около 40% площади России) и малочисленного населения (примерно 5,4%), которое сократилось более чем на четверть после распада СССР. Через его территорию проходят протяженные государственные границы с четырьмя иностранными государствами (Монголией, Китаем, КНДР и США). Трансграничные территории Дальнего Востока характеризуются устойчивой убылью населения, усугубляемой миграционным оттоком. В условиях демогра-

фического спада Дальнего Востока, представляющего собой зону стратегических интересов России, обширного приграничья и крупнейшего средоточия природных ресурсов, сельским территориям (СТ) принадлежит важнейшая роль в сохранении культурного наследия, обеспечении продовольственной безопасности и пространственном развитии страны. Несмотря на положительную динамику агропромышленного комплекса в отдельных районах, уровень и качество жизни сельских жителей в целом уступают городским стандартам [1, С.31], [2, С.51], [3,

С.77]. Эти дисбалансы усиливают миграционный отток из сёл, приводят к депопуляции и частичной утрате освоенности территорий, что ослабляет потенциал устойчивого развития Дальневосточного макрорегиона. Миграция не только сокращает численность коренного населения, но и вымывает экономически активные и высококвалифицированные кадры.

Актуальность исследования обусловлена пересечением двух важных вызовов для современной России, которые в трансграничных регионах Дальневосточного федерального округа (ДФО)

приобретают особую значимость: демографическое «сжатие» СТ и стратегической уязвимости трансграничных территорий. Республика Бурятия и Забайкальский край представляют собой полигон, в котором эти процессы проявляются наиболее остро, создавая риски для регионального развития и национальной безопасности страны. Специфической функцией СТ на Дальнем Востоке является поддержание заселенности и обеспечение геополитических интересов, а также сохранение территориальной целостности государства на востоке страны [4, С.171].

Объект исследования: сельские территории Республики Бурятия и Забайкальского края в контексте современных демографических трансформаций. **Предмет исследования:** процессы и проявления демографического «сжатия». **Цель исследования** — выявление масштабов и механизмов демографического «сжатия» СТ, а также оценка его последствий для устойчивого развития и безопасности трансграничных регионов Дальнего Востока.

Обзор литературы. В научном сообществе идет активное обсуждение процессов депопуляции в ДФО и роль демографического фактора в пространственном развитии [5], [6]. Феномен «сжатия» рассматривается как общенациональный вызов и проблема [7]. Быстрая урбанизация привела к «сжатию» сельского пространства в «редкие ареалы, между которыми возникла социально-демографическая пустыня» [8]. Распад СССР и последующие масштабные трансформации стали триггером демографического «сжатия» территорий Азиатской части России [9, С.117]. Трансграничные территории представляют собой особый тип пространства, где демографические процессы усложняются факторами взаимодействия внутренних и трансграничных потоков [10], [11]. Существующие исследования дают основу для анализа, однако

недостаточно разработано сопоставительное изучение СТ Республики Бурятия и Забайкальского края в единой логике демографического «сжатия», что и определяет актуальность данного исследования.

Материалы и методы. В работе использованы статистические данные из открытых источников: Росстат, ЕМИСС. Применялись методы анализа, синтеза, сравнения и обобщения, а также структурно-динамический и сопоставительный анализ.

Результаты и обсуждение. В исследовании используются понятия «приграничный» при описании пространственного положения территорий и «трансграничный» при характеристике процессов, связанных с миграцией, экономическими, социальными и культурными формами мобильности, а также влиянием межгосударственных связей на демографическую динамику [12]. Под демографическим «сжатием» понимается устойчивый и взаимосвязанный процесс сокращения численности населения и ослабления демографического потенциала территории, проявляющийся в депопуляции, миграционном оттоке, старении населения, дисбалансе возрастно-половой структуры и сокращении сети сельских населённых пунктов. Понятие фиксирует не только уменьшение численности, но и трансформацию демографической структуры, ведущую к ослаблению устойчивости сельского расселения и позволяет описать совокупный эффект отдельных демографических изменений, выражающийся в постепенном «сжатии» социально-демографического пространства СТ. На всем Дальнем Востоке наблюдается устойчивая депопуляция — демографическое «сжатие», однако темпы этого процесса различаются между неприграничными и приграничными территориями. Внутри группы приграничных регионов выделяются специфические модели,

характерные для Республики Бурятия и Забайкальского края. С начала XXI века приграничные регионы теряют население быстрее, чем неприграничные, разрыв в темпах убыли постепенно увеличивается. Если в 1990-е годы главным фактором депопуляции был «северный отток», то после 2000-х годов основное демографическое «сжатие» переместилось в приграничную зону ДФО (табл.1). Забайкальский край демонстрирует сокращение численности порядка трети населения с 1990 г.; Республика Бурятия до 2015 года сохраняла относительную стабильность, после чего начался нисходящий тренд, и процессы демографического «сжатия», начавшись позже, вступили в активную фазу.

Сравнение регионов показывает особенно-сти мобильности населения: в 2002 г. доля родившихся и оставшихся жить в ДФО составляла 48,5%, что на 6,5 п.п. ниже общероссийского уровня; к 2020 г. этот показатель вырос до 52,0%, что на 3 п.п. ниже среднего по РФ (табл. 2). Это свидетельствует о некоторой стабилизации и формировании слоя «старожилов» на Дальнем Востоке. В 2020 г. доля постоянно проживавших с рождения в Республике Бурятия и Забайкальском крае выше, чем в среднем по ДФО и по РФ, что указывает на большую укорененность населения в этих регионах по сравнению с общим показателем по Дальнему Востоку. Показатель «удельный вес проживающих с рождения» более чувствителен к демографическому «сжатию», чем общая численность. Сельское население ДФО становится более оседлым, однако на фоне общей депопуляции это означает, что из сел уезжают преимущественно пришедшие и более мобильные группы, а остаются преимущественно коренные жители. Это не признак благополучия, а эффект «отсеивания» мигрантов в условиях сжатия. В Бурятии СТ теряют коренное население, тогда как городские территории

Таблица 1. Динамика численности населения ДФО, тыс.чел.

Table 1. Dynamics of the population of the Far Eastern Federal District, thousands of people

	1990	2000	2005	2010	2015	2020	2023	изме- нения за 1990- 2023, %	изме- нения за 2000- 2023, %	изме- нения за 2005- 2023, %	изме- нения за 2010- 2023, %	изме- нения за 2015- 2023, %	изме- нения за 2020- 2023, %
Российская Федерация	148274	146304	142754	142865,4	147182,3	147455,7	146150,8	-1,4	-0,1	2,4	2,3	-0,7	-0,9
Дальневосточный федеральный округ	10544	9105	8736	8362,6	8200,4	8009,9	7866,3	-25,4	-13,6	-10,0	-5,9	-4,1	-1,8
Неприграничные	2736	2105	2020	1933,1	1892,3	1887,1	1881,6	-31,2	-10,6	-6,9	-2,7	-0,6	-0,3
Республика Саха (Якутия)	1119	958	950	958,2	962,5	987,2	1001,7	-10,5	4,6	5,4	4,5	4,1	1,5
Камчатский край	517	393	372	321,7	306,8	293,3	288,9	-44,1	-26,5	-22,3	-10,2	-5,8	-1,5
Магаданская область	385	194	172	156,5	145,5	137,3	133,4	-65,4	-31,2	-22,4	-14,8	-8,3	-2,8
Сахалинская область	715	560	526	496,7	477,5	469,3	457,6	-36,0	-18,3	-13,0	-7,9	-4,2	-2,5
Приграничные	7808	7000	6716	6429,5	6308,1	6122,8	5984,7	-23,4	-14,5	-10,9	-6,9	-5,1	-2,3
Республика Бурятия	1052	997	964	971,5	980,1	980,9	971,9	-7,6	-2,5	0,8	0,0	-0,8	-0,9
Забайкальский край	1389	1250	1202	1106,2	1063,9	1014,7	984,4	-29,1	-21,2	-18,1	-11,0	-7,5	-3,0
Приморский край	2311	2120	2019	1953,5	1918,5	1858,2	1806,4	-21,8	-14,8	-10,5	-7,5	-5,8	-2,8
Хабаровский край	1625	1460	1412	1342,9	1331	1295,1	1278,1	-21,3	-12,5	-9,5	-4,8	-4,0	-1,3
Амурская область	1054	923	881	828,7	801,5	773,7	750,1	-28,8	-18,7	-14,9	-9,5	-6,4	-3,1
Еврейская автономная область	219	193	187	176,3	163,9	152,6	145,8	-33,4	-24,5	-22,0	-17,3	-11,0	-4,5
Чукотский автономный округ	158	57	51	50,4	49,2	47,6	48	-69,6	-15,8	-5,9	-4,8	-2,4	0,8

Составлено авторами по [13].

накапливают его (рост доли оседлых горожан на +5,9 п.п.), что указывает на внутрирегиональную миграцию «село — город» как основной механизм сжатия. В Забайкальском крае снижение доли оседлых наблюдается и в городе, и в селе, что отражает межрегиональный отток населения. Таким образом, СТ Бурятии переживают интенсивное демографическое «сжатие» в результате вымывания коренного населения.

Сокращение числа сельских поселений — общероссийский тренд; на Дальнем Востоке процесс идет быстрее и ускоряется. В последние пять лет (2020-2025) темпы сокращения в ДФО

заметно превышают общероссийские показатели (табл.3). Неприграничные регионы (Якутия, Камчатка, Магаданская область, Сахалин) теряют сельские поселения относительно медленно (–9,2% за 15 лет). Приграничные регионы ДФО выступают эпицентром «сжатия» поселенческой сети — потеря 40,8% всех сельских поселений за 2010–2025 гг., причём темпы сокращения не замедляются. Забайкальский край является ярким примером: потеря 45% сельских поселений за 15 лет. В Республике Бурятия сокращение числа поселений происходит медленно, однако из данных таблицы 2 видно, что СТ интенсивно теряют «коренное» население (–9,5% оседлых): процессы «сжатия» носят скрытый характер — поселения ещё формально сохраняются, но демографическая структура меняется в сторону

меньшей укорененности. Таким образом, формальное сохранение поселений маскирует их демографическую трансформацию.

В целом по России и в ДФО наблюдается отрицательная динамика доли сельского населения; в ДФО снижение этого показателя идёт быстрее: –2,1 п.п. (с 28,3% в 2010 г. до 26,2% в 2024 г.), тогда как в среднем по стране –1,1 п.п. (с 26,2% до 25,1%). В Забайкальском крае доля сельского населения сократилась на 3,8 п.п. (с 34,0% до 30,2%), в Республике Бурятия — на 0,6 п.п. (с 41,5% до 40,9%). В целом по России суммарный коэффициент рождаемости сельского населения (СКР) снизился на 26,2% (с 1,983 в 2010 г. до 1,464 в 2024 г.), городского населения — на 7,8% (с 1,439 до 1,327). Разрыв между городом и селом сократился с 0,544 до 0,137 (рис. 1).

Таблица 2. Удельный вес населения, проживающего непрерывно в месте постоянного жительства с рождения в общей численности постоянно проживающего населения по итогам Всероссийских переписей населения 2002 и 2020 годов

Table 2. Proportion of the population that has lived continuously in the place of permanent residence since birth, in the total number of permanent residents, according to the results of the All-Russian Population Censuses of 2002 and 2020

	2002	2020	Изменение за 2002-2020 гг.
Российская Федерация	55,0	55,4	0,4
городское	53,2	55,2	2,0
сельское	60,0	56,1	-3,9
Дальневосточный федеральный округ	48,5	52,0	3,5
городское	47,6	50,2	2,6
сельское	51,2	56,9	5,7
Республика Бурятия	56,5	56,2	-0,3
городское	50,3	56,2	5,9
сельское	65,6	56,1	-9,5
Забайкальский край	59,7	57,0	-2,7
городское	56,0	53,9	-2,1
сельское	66,2	63,9	-2,3

Составлено авторами по [14]

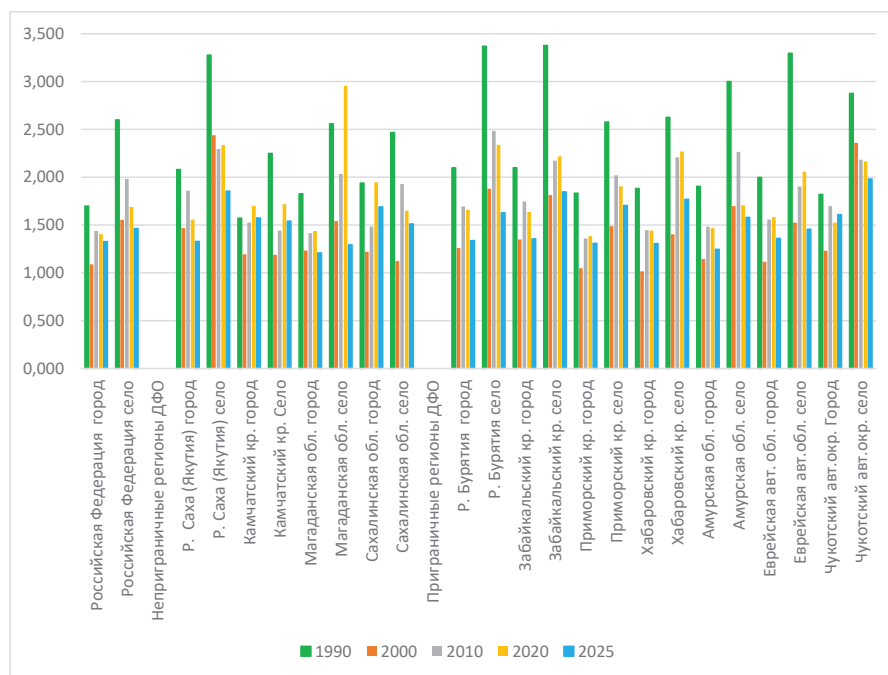

Рисунок 1. Динамика изменений показателя суммарного коэффициента рождаемости городского и сельского населения России и регионов ДФО 1990-2025

Figure 1. Dynamics of changes in the total fertility rate of the urban and rural population of Russia and the Far Eastern Federal District regions 1990-2025

Таблица 3. Динамика числа сельских поселений в приграничных и неприграничных регионах ДФО

Table 3. Dynamics of the number of rural settlements in border and non-border regions of the Far Eastern Federal District

	2010	2015	2020	2025	Изменение, %		
					2010-2025, %	2015-2025, %	2020-2025, %
Российская Федерация	19591	18654	16821	13406	-31,6	-28,1	-20,3
ДФО	1654	1611	1559	1116	-32,5	-30,7	-28,4
Неприграничные	433	425	408	393	-9,2	-7,5	-3,7
Республика Саха (Якутия)	361	361	361	361	0,0	0,0	0,0
Камчатский край	49	47	47	32	-34,7	-31,9	-31,9
Магаданская область	20	16	0	0	-100,0	-100,0	-
Сахалинская область	3	1	0	0	-100,0	-100,0	-
Приграничные	1221	1186	1151	723	-40,8	-39,0	-37,2
Республика Бурятия	255	250	247	246	-3,5	-1,6	-0,4
Забайкальский край	338	332	333	186	-45,0	-44,0	-44,1
Приморский край	117	112	92	21	-82,1	-81,3	-77,2
Хабаровский край	187	191	191	176	-5,9	-7,9	-7,9
Амурская область	269	253	241	57	-78,8	-77,5	-76,3
Еврейская автономная область	18	17	17	17	-5,6	0,0	0,0
Чукотский автономный округ	37	31	30	20	-45,9	-35,5	-33,3

Составлено авторами по [1, С.31], [13]

Республика Бурятия демонстрирует значительное падение сельского СКР — 34,5% (с 2,485 в 2010 до 1,628 в 2024), Забайкальский край — 15,0% (с 2,174 до 1,847). При этом в Бурятии сельский СКР уже намного ниже уровня простого воспроизводства, а Забайкалье — близок к критической отметке. В Бурятии сочетание резкого падения сельского СКР (-34,5%) и высокой доли сельского населения (40,9%) создает ситуацию, когда селяне по-прежнему составляют значительную часть населения, однако их естественное воспроизводство подорвано.

В Забайкальском крае отмечается быстрое сокращение доли сельского населения при менее резком снижении уровня сельского СКР. Основным драйвером демографического «сжатия» СТ в Забайкалье является высокий уровень миграционного оттока из сельской местности, а не только естественная убыль. Коэффициент миграционного прироста сельского населения 1000 чел. в РФ (0,9), ДФО (-5,4), в Республике Бурятия (-1,1), в Забайкальском крае (-12,2) [16].

Возрастная структура сельского населения в рассматриваемых регионах остается более

молодой, чем городская (табл.4), однако демографический потенциал, заложенный в высокой доле младших возрастных групп, не реализуется из-за снижения интенсивности рождаемости, зафиксированного в СКР. Снижение доли трудоспособного населения (от -3,1 до -5,8 п.п.) в приграничных районах Бурятии и Забайкалья свидетельствует о сокращении экономической активной базы СТ. Несмотря на более высокую долю младших возрастных групп, доля старших возрастных групп в обоих трансграничных регионах составляет 19-20%. При сохранении низкой рождаемости и миграционном оттоке молодежи возрастная пирамида сельского населения может «перевернуться» — доля старших возрастных групп превысит долю младших возрастных групп. Это будет способствовать закрытию социальной инфраструктуры и «схлопыванию» сети сельских поселений, что уже и наблюдается [11].

На Дальнем Востоке ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) сельского населения (67,03 лет) ниже городской (70,44 лет) и сами показатели отстают от общероссийских показателей (71,62 и 73,09 соответственно), что

указывает на глубокое инфраструктурное неравенство между городскими и СТ макрорегиона (рис.2). Разрыв в ОПЖ между городским и сельским населением в Республике Бурятия и Забайкальском крае превышает среднероссийский (4,13 и 4,24 года против 1,47 года — соответственно). Забайкальский край — регион с низкой ОПЖ сельского населения (64,8 лет), т.е. сельские жители там живут почти на 7 лет меньше, чем среднее по России.

Приграничные территории ДФО включают 1329 населенных пунктов в 54 муниципальных образованиях (МО) (районов, округов) шести регионов округа [18]. Общая численность населения этих территорий составляет 2145,6 тыс. чел., в том числе 954, 4 тыс.чел. сельского и 1191,2 тыс. чел. городского населения (табл. 5). Из 54 МО, 43 граничат с Китаем, 10 — с Монголией и 1 — с КНДР. Приграничное пространство ДФО характеризуется высокой долей сельского населения: большинство МО (47) связаны с сельскими территориями, это означает, что демографические процессы в значительной степени определяются состоянием сельских поселений. Наиболее заметные различия наблюдаются между субъектами по числу приграничных МО и численности населения. В рассматриваемых регионах: в Республике Бурятия — 5 приграничных МО с населением 100,2 тыс. чел.; в Забайкальском крае — 12 МО с населением 221,9 тыс. чел. В Приморском и Хабаровском краях, Амурской области приграничные территории значительно более населены, что указывает на более высокую плотность освоения и лучшую закреплённость населения.

Переходя от общей пространственной характеристики приграничных муниципальных образований ДФО к уровню конкретных территорий, в анализе уделено внимание сельским территориям приграничных районов Республики Бурятия. Эти районы с низкой плотностью населения и значительной удаленностью от регионального центра — г. Улан-Удэ.

Приграничные сельские территории демонстрируют демографическое «сжатие», обусловленное сочетанием естественной убыли (за исключением Окинского района) и массового миграционного оттока. Социально-экономическая напряжённость на приграничных территориях, сопровождается оттоком экономически активного населения: по данным исследований: «каждый четвертый житель приграничных районов Бурятии собирается уехать или думает об этом» [10, С.356]. В большинстве СТ приграничных районов миграционная убыль многократно превышает естественную, что указывает на миграцию как основной драйвер демографического сжатия. Кяхтинский район выделяется как проблемная зона: здесь зафиксированы наихудшие показатели и по естественному, и по миграционному движению, что требует углубленного анализа и разработки корректирующих мер. Возможными причинами являются: низкий уровень социально-экономического развития района, сложившаяся структура населения с высокой долей лиц старших возрастных групп, нехватка социальной инфраструктуры для удержания населения, близость к границе и др. Значительная часть населения приграничных территорий испытывают воздействие пограничного режима на повседневную жизнь, «связанное с проблемами реализации пограничного режима хозяйственной и промышленной деятельности» [10, С.357-358].

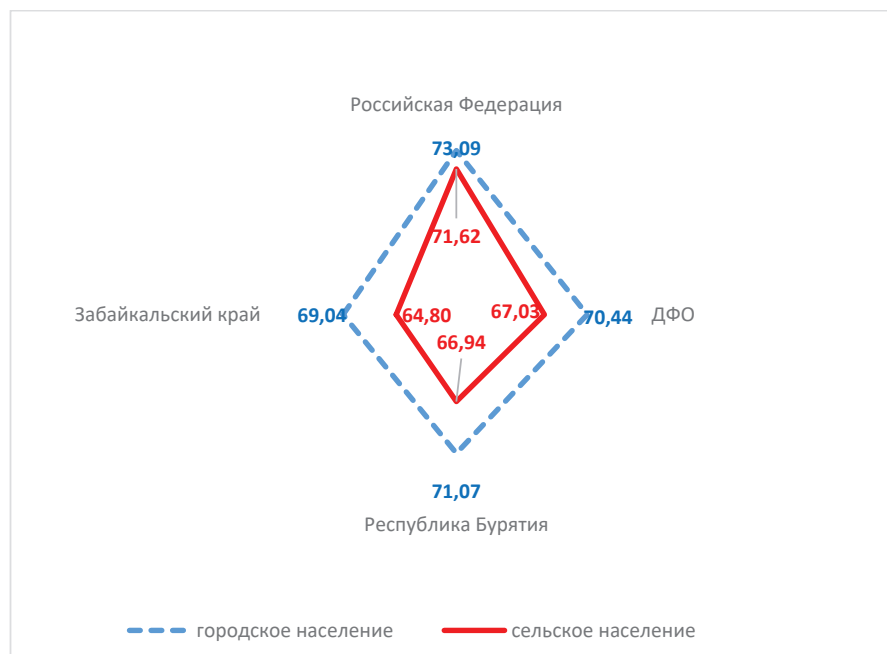

Рисунок 2. Ожидаемая продолжительность жизни городского и сельского населения в 2023 г., лет
Figure 2. Life expectancy of urban and rural population in 2023, years

составлено авторами по [17]

Таблица 4. Динамика возрастной структуры сельского и городского населения в Республике Бурятия и Забайкальском крае, %
Table 4. Dynamics of the Age Structure of the Rural and Urban Population in the Republic of Buryatia and the Zabaikalsky Krai, %

	2010	2024	Изменение 2010-2024	2010	2024	Изменение 2010-2024
	Сельское население			Городское население		
Республика Бурятия						
молоче трудоспособного	22,5	25,2	2,7	19,8	22,2	2,4
трудоспособного	61,6	55,8	-5,8	63,6	59,1	-4,5
старше трудоспособного	15,9	19,0	3,1	16,6	18,7	2,1
Забайкальский край						
молоче трудоспособного	19,3	23,0	3,7	16,2	21,1	4,9
трудоспособного	59,9	56,8	-3,1	65,5	60,8	-4,7
старше трудоспособного	20,8	20,2	-0,6	18,3	18,2	-0,1

Составлено авторами по [13].

Таблица 5. Распределение приграничных муниципальных образований и населения в субъектах Дальневосточного федерального округа
Table 5. Distribution of border municipalities and population in the constituent entities of the Far Eastern Federal District

Сопредельные государства	Число приграничных муниципальных образований / численность населения тыс. чел.					
	Республика Бурятия 5 / 100,2	Забайкальский край 12 / 221,9	Приморский край 14, в том ч. 3 ГО* / 492,5	Хабаровский край 5, в т.ч. 1 ГО / 775,8	Амурская Область 13, в т.ч. 3 ГО / 474,9	Еврейская автономная область 5 / 80,3
Монголия	Окинский Тункинский Закаменский Джидинский Кяхтинский	Красночикойский Кыринский Акшинский Ононский Борзинский				
Китай		Забайкальский Краснокаменский Приаргунский Калганский Нерчинско-Заводской, Газимуро-Заводский Могочинский	Дальнереченский Кировский Спасский Черниговский Октябрьский Пограничный Пожарский Черниговский Ханкайский Хорольский ГО: Дальнереченский Лесозаводский Уссурийский	Бикинский Хабаровский Вяземский Лазо ГО Хабаровск	Архаринский Благовещенский Константиновский Магдагачинский Михайловский Свободненский Сковородинский Тамбовский Шимановский Бурейский ГО: Благовещенск Шимановск Свободный	Биробиджанский, Ленинский Облученский Октябрьский Смидовичский
КНДР			Хасанский			

* ГО — городской округ

составлено авторами по [18]

Таблица 6. Естественный и миграционный прирост населения в приграничных районах Республики Бурятия
Table 6. Natural and migration growth of the population in the border districts of the Republic of Buryatia

	Естественный прирост, убыль (-), на 1000 чел.				Миграционный прирост, убыль (-), на 1000 чел.			
	2020	2021	2022	2023	2020	2021	2022	2023
Джидинский	1,7	2,5	1,1	-2,9	-40,3	-43,2	-36,5	-32,9
Закаменский	0,8	-0,1	-1,4	-1,9	-32,8	-50,8	-42,8	-30,7
Кяхтинский	-4,0	-8,1	-7,3	-13,0	-2,5	-22,7	-27	-41,6
Окинский	8,1	5,5	4,7	4,5	-3,2	-5,4	0,4	-2,5
Тункинский	-1,5	-4,3	-4,0	-2,8	14,5	-3,1	-11,8	-2,5

составлено авторами по [19].

Таблица 7. Национальный состав приграничных районов Республики Бурятия по итогам Всероссийской переписи населения 2020, %
Table 7. National composition of border districts of the Republic of Buryatia according to the results of the All-Russian Population Census 2020, %

Джидинский	Закаменский	Кяхтинский	Окинский	Тункинский
русские — 52,13 буряты — 45,97 др. — 0,35	буряты — 63,06 русские — 33,48 др. — 3,46	русские — 72,24 буряты — 24,76 др. — 3,0	сойоты и буряты — 97,59 Русские 2,06 др.-0,35	буряты — 65,02 русские 52,13 др. — 3,0

составлено авторами по [14].

Окинский район — уникальный случай сохранения положительного естественного прироста при минимальном миграционном оттоке. Вероятно, это связано с компактным проживанием коренного населения с традиционным укладом (табл.7), сохранившем ориентацию на многодетность, что замедляет демографическое сжатие даже в неблагоприятных условиях. Однако естественный прирост в Окинском районе снижается (с 8,1 до 4,5), что указывает на истощаемость и этого ресурса.

Заключение и выводы. Проведённое исследование показало, что сельские территории Республики Бурятия и Забайкальского края, являясь важной частью пространственного и геополитического каркаса Дальнего Востока, находясь в состоянии устойчивого демографического «сжатия». Это проявляется не только в сокращении численности населения, усилении миграционного оттока, но и в качественных изменениях: росте диспропорций в возрастной структуре, ослаблении воспроизводственного потенциала и трансформации сети сельских поселений.

Выявлены региональные модели сжатия: *Экстенсивная* (Забайкальский край): быстрое сокращение числа сельских поселений (–45% за 15 лет) и высокий миграционный отток (–12,2 на 1 000 чел.) при относительно меньшем падении рождаемости. *Интенсивная* (Республика Бурятия): сохранение поселений (потеря ≈ 3,5% за 15 лет) при резком снижении сельского СКР (–34,5% за 2010–2024 гг.). Высокая доля сельского населения (40,9%) создаёт иллюзию стабильности, маскирующую глубокие демографические изменения.

Приграничные сельские территории демонстрируют демографическое «сжатие», обусловленное сочетанием естественной убыли (за исключением Окинского района) и массового миграционного оттока. Окинский район, сохранивший естественный прирост, демонстрирует его снижение, что указывает на истощаемость традиционного демографического потенциала.

Разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между городом и селом в рассматрива-

емых трансграничных регионах Дальнего Востока, превышающих в более чем два раза общероссийский, свидетельствует о глубоком инфраструктурном неравенстве.

Пространственная дифференциация трансграничных регионов актуализирует переход от единых мер к муниципально-ориентированной политике. Комплексная государственная политика, учитывающая выявленные модели сжатия, позволит сельским территориям Республики Бурятия и Забайкальского края не перейти в фазу необратимого опустынивания, что защитит от прямых рисков для территориальной целостности и безопасности приграничного пространства Дальнего Востока.

Список источников

1. Иванова С.Н. Пространственные аспекты развития сельских территорий Северной Азии // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 2(380). С. 30–34. DOI: 10.24412/2587-6740-2021-2-30-34. EDN NIFJMK.
2. Смылова О.Ю. Развитие сельских территорий России: вызовы и стратегические направления для устой-

чивого роста // Вопросы отраслевой экономики. 2025. № 1(9). С. 47-57. DOI: 10.24888/2949-2793-2025-9-47-57. EDN TSBPCW.

3. Калинин И.В., Бийжанова Э.К. Южные регионы дальневосточного приграничья: социокультурные и инфраструктурные трансформации // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 4. С. 63-81. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.678. EDN JBZMZX.

4. Трофимов И.А., Трофимова Л.С., Яковлева Е.П. Дальний Восток России: глобальные и региональные аспекты развития сельского хозяйства // Век глобализации. 2024. № 2. С. 171-183. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.14.

5. Мишук С.Н., Рязанцев С.В. Миграция сельского населения Дальнего Востока России в начале XXI века // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 182-198. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.11

6. Авдеев Ю.А. Какая демографическая политика нужна России // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 1. С. 12-27. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_1_12_27 EDN MCYKXT.

7. Лексин В.Н. Системные основания и последствия территориально опосредованной депопуляции // Регион: Экономика и Социология. 2021. № 2. С. 101-134. DOI: 10.15372/REG20210205

8. Нefeldova, T.G. & Treivish, A.I. Поляризация и сжатие освоенных пространств в Центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. Том 7. № 2. С. 31-53. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11138

9. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Проблема «сжатия» российского освоенного пространства и пути ее решения // Общественные науки и современность. 2024. № 4. С. 114-127. DOI: 10.31857/50869049924040094.

10. Дагбаева С.Д., Хандажапова Л.М., Лубсанова Н.Б. Проблемы социально-экономического развития приграничных территорий России в региональных исследованиях // Научное обозрение. 2015. № 24. С. 355-360. EDN VOGNFF.

11. Шворина К.В. Пространство приграничной территории Забайкальского края: процессы «сжатия» и моноцентризма // Успехи современного естествознания. 2018. № 8. С. 197-202.

12. Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран: (проблемы и предпосылки устойчивого развития) Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2010. 610 с. EDN QKJUF.

13. Регионы России. Социально-экономические показатели (Росстат). <http://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>, (дата обращения 01.03.2026)

14. Переписи населения (Росстат). http://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya, (дата обращения 01.04.2026).

15. Суммарный коэффициент рождаемости Единая межведомственная информационно-статистическая система. <http://fedstat.ru/indicator/31517>, (дата обращения 20.05.2026).

16. Коэффициент миграционного прироста рождаемости Единая межведомственная информационно-статистическая система. <http://www.fedstat.ru/indicator/43017>, (дата обращения 28.05.2026).

17. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении Единая межведомственная информационно-статистическая система <http://fedstat.ru/indicator/31293>, (дата обращения 28.05.2026).

18. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа» от 28.10.2015 № 2193-р. (с изменениями на 16 июня 2022 года) <http://docs.cntd.ru/document/420313859>, (дата обращения 22.05.2026)

19. База данных муниципальной статистики Республики Бурятия, <http://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst81/DBlnet.cgi>.

References

1. Ivanova, S.N. (2021). *Prostranstvennye aspekty razvitiya sel'skikh territoriy Severnoy Azii* [Spatial Aspects of Rural Development in Northern Asia]. *Mezhdunarodnyy sel'skokhozyaystvennyy zhurnal*, no. 2(380), pp. 30-34. DOI: 10.24412/2587-6740-2021-2-30-34.

2. Smyslova, O.Yu. (2025). *Razvitie sel'skikh territoriy Rossii: vyzovy i strategicheskie napravleniya dlya ustoychivogo rosta* [Development of Rural Areas in Russia: Challenges and Strategic Directions for Sustainable Growth]. *Voprosy otraslevoy ekonomiki*, no. 1(9), pp. 47-57. DOI: 10.24888/2949-2793-2025-9-47-57.

3. Kalinina, I.V. & Biiyshanova, E.K. (2020). *Yuzhnye regiony dal'nevostochnogo prigranich'ya: sotsiokul'turnye i infrastrukturalnye transformatsii* [Southern Regions of the Far Eastern Borderlands: Sociocultural and Infrastructural Transformations]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, vol. 11, no. 4, pp. 63-81. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.678.

4. Trofimov, I.A., Trofimova, L.S. & Yakovleva, E.P. (2024). *Dal'niy Vostok Rossii: global'nye i regional'nye aspekty razvitiya sel'skogo khozyaystva* [Russian Far East: Global and Regional Aspects of Agricultural Development]. *Vek globalizatsii*, no. 2, pp. 171-183. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.14.

5. Mishchuk, S.N. & Ryzantsev, S.V. (2021). *Migratsiya sel'skogo naseleniya Dal'nego Vostoka Rossii v nachale XXI veka* [Rural Population Migration in the Russian Far East in the Early 21st Century]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremennyye: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 14, no. 3, pp. 182-198. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.11.

6. Avdeev, Yu.A. (2025). *Kakaya demograficheskaya politika nuzhna Rossii* [What Kind of Demographic Policy Does Russia Need?]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, vol. 21, no. 1, pp. 12-27. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_1_12_27.

7. Leksin, V.N. (2021). *Sistemnye osnovaniya i posledstviya territorial'no oposredovannoy depopulyatsii* [Systemic Foundations and Consequences of Territorially Mediated Depopulation]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, no. 2, pp. 101-134. DOI: 10.15372/REG20210205.

8. Nefeldova, T.G. & Treivish, A.I. (2020). *Polyarizatsiya i szhatie osvoennyykh prostranstv v Tsentre Rossii: trendy, problemy, vozmozhnye resheniya* [Polarization and Compression of Developed Spaces in Central Russia: Trends, Problems, Possible Solutions]. *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 7, no. 2, pp. 31-53. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11138.

9. Druzhinin, A.G. & Kuznetsova, O.V. (2024). *Problema «szhatiya» Rossiyskogo osvoennogo prostranstva i puti ee resheniya* [The Problem of «Compression» of Russia's Developed Space and Ways to Solve It]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 114-127. DOI: 10.31857/50869049924040094

10. Dagbaeva, S.D.N., Khandazhapova, L.M. & Lubsanova, N.B. (2015). *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya prigranichnykh territoriy Rossii v regional'nykh issledovaniyakh* [Problems of Socio-Economic Development of Border Territories of Russia in Regional Studies]. *Nauchnoye obozrenie*, no. 24, pp. 355-360.

11. Shvorina, K.V. (2018). *Prostranstvo prigranichnoy territorii Zabaykalskogo kraia: protsessy «szhatiya» i monotsentrizma* [The Space of the Border Territory of Zabaykalsky Krai: Processes of «Compression» and Monocentrism]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, no. 8, pp. 197-202.

12. *Prigranichnye i transgranichnye territorii Aziatskoy Rossii i sopredel'nykh stran: (problemy i predposylki ustoychivogo razvitiya)* [Border and Cross-Border Territories of Asian Russia and Neighboring Countries: (Problems and Prerequisites for Sustainable Development)] (2010), Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, 610 p.

13. Rosstat. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators]. <http://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>, (accessed 01.03.2026).

14. Rosstat. *Perepisi naseleniya* [Population Census]. http://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya, (accessed 01.04.2026).

15. EMISS. *Summarnyy koefitsient rozhdaemosti* [Total Fertility Rate]. <http://fedstat.ru/indicator/31517> (accessed 20.05.2026)

16. EMISS. *Koefitsient migratsionnogo prirosta* [Migration Growth Rate]. <http://www.fedstat.ru/indicator/43017>, (accessed 28.05.2026).

17. EMISS. *Ozhidaemaya prodolzhitel'nost' zhizni pri rozhdenii* [Life Expectancy at Birth]. <http://fedstat.ru/indicator/31293>, (accessed 28.05.2026).

18. Russian Government. (2015). *Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya prigranichnykh territoriy sub'ektov Rossiyskoy Federatsii, vkhodyashchikh v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga* [On Approval of the Concept for the Development of Border Territories of the Constituent Entities of the Russian Federation within the Far Eastern Federal District]. Directive no 2193-r dated 28.10.2015 (amended on 16.06.2022). <http://docs.cntd.ru/document/420313859> (accessed 22.05.2026).

19. Rosstat. *Baza dannykh munitsipal'noy statistiki Respubliki Buryatiya* [Municipal Statistics Database of the Republic of Buryatia]. <http://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst81/DBlnet.cgi>.

Информация об авторах:

Иванова Сембрика Ниммаевна, доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5554-2144>, Scopus ID: 57217257068, WoS ResearcherID: AAQ-6519-2020, SPIN-код: 5816-7863, sambrika@mail.ru

Михеева Анна Семеновна, доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1407-4441>, SPIN-код: 5612-7145, asmihееva@binm.ru

Лубсанова Наталья Борисовна, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией экономики природопользования, ведущий научный сотрудник, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6513-2555>, Scopus ID: 49663510300, WoS ResearcherID: B-3982-2014, SPIN-код: 2956-3588, nlub@binm.ru

Дымбрылова Саяна Баировна, ведущий инженер, ORCID: <http://orcid.org/0009-0005-2244-562X>, WoS ResearcherID: LCO-4709-2024, SPIN-код: 4706-6202, dymbrylovasayana@yandex.ru

Information about the authors:

Sambrika N. Ivanova, doctor of economic sciences, associate professor, senior researcher, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5554-2144>, Scopus ID: 57217257068, WoS ResearcherID: AAQ-6519-2020, SPIN- code: 5816-7863, sambrika@mail.ru

Anna S. Mikhееva, doctor of economic sciences, associate professor, chief researcher, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1407-4441>, SPIN- code: 5612-7145, asmihееva@binm.ru

Natalia B. Lubsanova, candidate of economic sciences, leading researcher, head of the laboratory of nature management economy, Baikal ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6513-2555>, Scopus ID: 49663510300, WoS ResearcherID: B-3982-2014, SPIN- code: 2956-3588, nlub@binm.ru

Sayana B. Dymbrylova, leading engineer, ORCID: <http://orcid.org/0009-0005-2244-562X>, WoS ResearcherID: LCO-4709-2024, SPIN- code: 4706-6202, dymbrylovasayana@yandex.ru